

**“БЕС КОММУНИСТОВ НЕ ЛЮБИТ...”:
НАРОДНОЕ ПАЛОМНИЧЕСТВО, КЛИКУШИ
И СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ НА УРАЛЕ
(К вопросу о народном благочестии)**

С 7 по 10 июля 1930 г. ОГПУ Свердловского округа арестовало девять участников ежегодного крестного хода в праздник Св. апостолов Петра и Павла на Веселых Горах (пос. Карпушиха). Традиционный старообрядческий праздник, завершавший летний апостольский пост и являвшийся важной датой народного календаря, превратился в источник конфликта между атеистической властью и верующими, защищавшими традиционные ценности.

В числе прочих власти арестовали нескольких кликуш по подозрению в антисоветской агитации. Кликушами (муж. “кликун”) называли женщин, по народным поверьям, одержимых бесом. Во время крестного хода летом 1930 г. припадки кликуш сопровождались бранью в адрес советской власти и прочими действиями, шокировавшими наблюдателей. Власти интерпретировали кликушество как инструмент в руках старообрядческих руководителей, служащий одурманиванию массы верующих и антисоветской пропаганде. Но, несмотря на четкую формулировку, материалы следствия демонстрируют явную обескураженность властей перед таким иррациональным феноменом религиозной жизни, как кликушество. В данной статье предлагается анализ и интерпретация эпизода 1930 г.: особое внимание уделяется кликушеству, его социальной характеристике, роли в народной культуре вообще и в старообрядческом паломничестве в частности, а также отношению к кликушеству со стороны внешних наблюдателей, верующих и атеистов.

Интерпретации

Феномену кликушества посвящен обширный круг публицистических, литературных, медицинских и этнографических описаний XIX в. Так, петербургский врач-невропатолог Н. В. Краинский опубликовал подробное исследование этого явления, в котором он собрал исторические, медицинские, су-

дебные и этнографические сведения по данному вопросу¹. Центральная часть работы описывает так называемую “эпидемию” кликушества, поразившую 12 жителей д. Ащепково Смоленской губернии в 1898–1899 гг., в исследовании и лечении которой автор принимал личное участие. Образованные современники XIX в. описывали поведение кликуш как разновидность эпилепсии: во время припадков больные часто теряли сознание, а также чревоуещали и нецензурно ругались². В послереволюционный период кликушеству были посвящены работы этнографов, филологов и историков, анализировавших его как явление народной культуры³. На основе широкого круга этнографических свидетельств и интерпретаций американская исследовательница Кристина Воробек из Университета штата Иллинойс опубликовала монографию, в которой она рассматривает кликушество как сложный социальный и культурный феномен, составными компонентами которого является не двоеверие, а традиционная православная демонология, представления о добре и зле, магические свойства креста, святой воды и пр. В то время как образованное общество и интеллигенция критиковали кликушество как проявление суеверия, невежества и угнетенного положения крестьянства, церковь не боролась с кликушеством до начала XX в.⁴ И церковь, и интеллигенция видели в кликуше жертву: верующие – жертву демонов, интеллигенция – тяжелого крестьянского труда и условий жизни. Исследовательница не пытается найти универсальное объяснение кликушеству. Напротив, она рассуждает о том, как условия крестьянской жизни женщин и народные представления влияли на развитие болезни. Так, она считает, что в крестьянской среде кликушами чаще всего становились незамужние женщины, которые боялись, что не будут соответствовать социальным ожиданиям, а также молодые жены, испытывающие чувство незащищенности перед новыми условиями и давлением коллектива (власть старших женщин в семье мужа, отход мужчин на заработки, беспокойство по поводу фертильности и сексуальных отношений, социальная незащищенность). В таких условиях кликушество освобождало

¹ См.: Краинский. Порча, кликушество и бесноватые как явления русской народной жизни. Новгород, 1900.

² См.: Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. СПб., 1905. Т. 2. С. 296.

³ См.: Никитина С. Е. Устная культура и языковое сознание М., 1993; Власов А. Н. Устюжская литература XVI–XVII вв. Историко-литературный аспект. Сыктывкар, 1995. С. 166–177; Сидоров А. С. Знахарство, колдовство и порча у народа коми. Материалы по психологии колдовства. СПб., 1997; Голикова С. В. Кликушество глазами священника // Религия и церковь в Сибири. Вып. 8. Тюмень, 1995; Чувьуров А. А. Народная медицина и старообрядческая традиция (по материалам исследований коми старообрядцев-беспоповцев) // Мифология и повседневность. Вып. 2. СПб., 1999; Лавров А. С. Колдовство и религия в России. М., 2000; Панченко А. Христианство и скопчество: фольклор и традиционная культура русских мистических сект. М., 2002.

⁴ Worobec C. Possessed: Demons, Witches and Women in Imperial Russia. The University of Northern Illinois Press, 2000.

женщин от социальных обязательств и беспокойства и зачастую давало им определенную власть⁵. Так, в отличие от традиционного взгляда на кликушу как на жертву, характерного для интеллигенции, церкви и народной культуры, Воробек видит в ней активного субъекта, в какой-то степени рационально использующего народные представления в своих интересах.

Вопросы культурного, законодательного и социального контекста кликушества, а также речевого поведения кликуш в дореволюционной России получили достаточно широкое освещение в работах российских и зарубежных ученых. Тем не менее анализ вышеупомянутых исследователей не простирается на советский период, когда кликушество стало предметом внимания атеистической власти. Отношение коммунистического государства к народной религиозности – сравнительно малоизученная тема в исторической науке, поднимающая вопрос о преемственности традиционной религиозной культуры в советское время, которая часто служит формой выражения народного сопротивления попыткам вторжения извне⁶. Предлагаемая статья ставит новые вопросы об исторической преемственности отношений к кликушеству большевиков и дореволюционных обозревателей и реформаторов народного быта, о гендерных аспектах конфликта между верующими и властями, а также о роли кликушества в сопротивлении верующих в период коллективизации. В работе использовано следственное дело ОГПУ Свердловской области, сравнительно недавно открытого для исследователей, а также материалы устной истории о паломничестве на Веселые Горы в 1920-е гг., описания наблюдателей и его участников.

Кликуши и Веселые Горы

Паломничество на Веселые Горы связано с почитанием могил старообрядческих иноков Павла, Германа, Максима (ум. 1782) и Григория (ок. 1650–1660 – 1731), сыгравших важную роль в духовной жизни уральского старообрядчества: Павел почитался как невинноубиенный; старец Григорий (Коскин) из крепостных крестьян Невьянского завода считался “самым великим, самым крупным уральским иконописцем”⁷. Почитание могил иноков, не канонизированных и не признаваемых официальной церковью, было обычным явлением народного благочестия: слава праведника основывалась на его аскетической жизни и чудесных явлениях при его жизни и/или

⁵ Worobec C. Possessed: Demons, Witches and Women in Imperial Russia.

⁶ См.: Чумаченко Т. А. Государство, православная церковь, верующие 1941–1961. М., 1999; Viola L. Peasant nightmare. Visions of Apocalypse in the Soviet Countryside // Journal of Modern History. 1990. Vol. 62. № 4. P. 747–770; Покровский Н. Н., Зольникова Н. Д. Староверы-часовенные на востоке России в XVIII–XX вв. М., 2002.

⁷ Невьянская икона. Альбом-каталог. Екатеринбург, 1997. С. 234.

после смерти. Почитаемые старцы были отшельниками, удалившимися от мира в глухой лес, где они проводили жизнь в молитве и подвигах. Рассказы о чудесах распространялись в местной устной традиции и лишь позже, в XIX в., были частично зафиксированы в письменной традиции.

Паломничество на Веселые Горы, складывающееся во второй половине XIX в., приобретает массовый и организованный характер на рубеже веков (особенно после 1905 г.), когда к почитаемым могилам была проложена дорога для пешеходов и конных повозок⁸. Паломники передвигались пешком или на лошадях и в повозках, разбивали палатки на лесных полянах возле могил. Старообрядческое общество организовывало питание для тех, кто не имел своих припасов. Многие присоединялись к крестному ходу, торжественно шествовавшему из окрестных деревень и поселков – Верхнего Тагила, Невьянска, Таволог. Паломники облачались в традиционную для богослужения одежду: мужчины – в длинные черные кафтаны, женщины – в черные косоклинники (вид сарафана) и наглухо повязанные платки, закрывающие волосы и шею наподобие монашеских. Шли с пением, неся старинные иконы. Моление происходило на открытом воздухе: иконы и свечи ставились под навес над могилой старца, в то время как большинство паломников стояло под открытым небом.

Богослужение включало в себя части службы, которые могли читаться без участия священника. Старообрядцы-часовенные, перешедшие на позиции беспоповщины уже в первой половине XIX в., не имели священников. Хотя в числе организаторов были наставники (нерукоположенные руководители) и иноки, богослужение, по сути, было организовано по инициативе снизу и выражало коллективные интересы верующих.

По свидетельству очевидцев, кликуши обычно “проявляли себя” во время пения “Величания” и стихир в честь св. апостолов Петра и Павла⁹. Контраст между торжественным моментом богослужения и неистовыми воплями кликуш создавал кульминационный момент коллективного действия. Свидетель описывал кликушество следующим образом: “В один из таких моментов одновременно с началом пения «Величания», громогласно подхваченного всеми, неожиданно раздался неистово-пронзительный, нечеловеческий крик: «А... а... а...! Не хочу! О... о... о... ой пустите... все равно не выйду! О...х пустите, проклятые!!!»”¹⁰.

⁸ См.: *Сипин В. Н.* На Веселых Горах. Очерки торжественных молебствий старообрядцев, иллюстрированные рисунками с натуры художника Вл. А. Кузнецова, и отчеты о подгот. вительных трудах к Всероссийскому съезду старообрядцев часовенного согласия. Екатеринбург, 1910. С. 7.

⁹ См.: Там же. С. 27–29; ЛАИ УрГУ. Фонофонд. VI (Невьянское) собр. 3фн/19. Зинаида У., 1914 г. р., г. Невьянск.

¹⁰ *Сипин В. Н.* На Веселых Горах. С. 27.

Выявленных криком кликуш или даже заподозренных в кликушестве женщин поднимали на руки 4–6 мужчин, преодолевая их отчаянное сопротивление (некоторые стремились убежать из-под навеса, под которым происходила служба). “Бесноватых” подносили на руках над толпой вперед к иконам, где их держали, пока они не “исцелялись”, что принимало часто форму пара или рвоты, содержимое которой собиралось в платок и сжигалось на костре. В некоторых случаях “бес” (“шева” у коми) исходил в виде червя, ящерицы. Этнограф народа коми А. Сидоров, проводивший свои исследования в 1920-е гг., записал, что шева выходит вместе с рвотой в виде мелких насекомых или пресмыкающихся (шмеля, червячка, ящерицы). Он также писал о неуязвимости шевы для ножа, что делало сжигание единственным способом ее уничтожения. “В печке шевы горят с сильным треском”¹¹.

Свидетельница, участвовавшая в крестном ходе в 1920-е гг. еще ребенком, вспоминает, какое впечатление произвело на нее поведение кликуш: “А то тут смотришь: «ух» закричит... там: «ух» закричит. – Ой, ой, да че это? ... Дак еть кричат. Дак еть пять-шесть мужиков держут, ак еть она так работат, так шумит и над имя, это, вырываться! Вы что! Вот ее оне поднимают, старают[ся] кверху на руках держать штобы... молятся... Ак еть только как «Величание» запели – в их кто вот есть, в их бес, бес-от – оне сразу убегают, совсем из палатки убегают на улису...”

А потом войдут, сзаде-то стоят, а вот только кто знает, что он бес, в их... в ем есь бес, ак ить их возьмут, говорит ето, и, и вперед проведут... Как «Величание»-то за-запоют – побежит и держат уже”¹².

В этом воспоминании прослеживается последовательность ритуала и борьба между “бесом”, управляющим действиями одержимой женщины, с одной стороны, и верующими, желающими ее исцеления, с другой.

По сути, происходящее в момент пения “Величания” можно считать ритуалом экзорцизма. С бесноватых снимали нателный крест и пояс и с помощью 4–6 мужчин их держали “крестом”, т. е. ногами по направлению к иконам, с распростертыми руками на ширине плеч¹³. По сведениям следственного дела 1930 г., кликушам сразу давали нюхать траву “земляной ладан”, также известную как “бесогон” или “плакун”, судя по названию, служащую целям экзорцизма¹⁴. Крестообразное положение молящегося было принято в чине пострига и чине рукоположения дьякона. Вера в защитные свойства креста и крестного знамения лежит в основе описываемого ритуала. Не случайно одной из причин “вхождения беса” верующие считали при-

¹¹ Сидоров А. С. Знахарство, колдовство и порча у народа коми. С. 116.

¹² ЛАИ УрГУ. Фонотонд. VI (Невьянское) собр. Зфн/19. Зинаида У., 1914 г. р., г. Невьянск.

¹³ Там же. X (Северо-Челябинское) собр. 31р/1688. Л. 6 об.

¹⁴ См.: Сидоров А. С. Знахарство, колдовство и порча у народа коми. С. 116.

нятие пищи или воды без молитвы, обычно сопровождаемой крестным знаменем. На первый взгляд кажется парадоксальным снятие нательного креста. Но в этом случае и крест, и пояс, выполняющие защитные функции, удалялись для того, чтобы облегчить исхождение нечистой силы из больной. Если вследствие общей молитвы и святости места происходило изгнание “беса”, больные вели себя совершенно нормально и часто ничего не помнили о своих приступах. Но только в единичных случаях исцеление происходило сразу. Некоторые больные приходили несколько раз, соблюдая при этом определенную епитимию: “Есть некоторые, исцелялись, все правда что на них наложат 3–4 раза в горы сходить, разных похотей воздерживаться...”¹⁵.

Причинами кликушества, помимо принятия пищи и воды без молитвы, верующие называли несчастный брак (“плохо жила с мужем”) и душевные страдания, вызванные личными несчастьями (“вот когда какое горе, тосковать не надо”, “сильно пережила... потом плакала”)¹⁶. Одна из задержанных в 1930 г. паломниц, Хеврония Попова, 35 лет, была “выявлена” как “кликуша”, так как она плакала во время моления. Хеврония объясняла свое поведение хроническими болями в сердце и отрицала, что она кликуша¹⁷. Таким образом, многие видели причину кликушества в неуравновешенном эмоциональном и психическом состоянии женщины, нашедшем выражение в необоснованном плаче. Мотив порчи как основной причины вселения “беса” почти не встречается в воззрениях уральских старообрядцев¹⁸. Возможно, старообрядческие духовные руководители не поощряли представлений о колдовстве и порче, достаточно широко распространенных в народной среде.

Задержанным по делу 1930 г. кликушам было 17, 29 и 35 лет¹⁹. Но на Горы ходили кликуши, которым было и 50 лет. Большинство кликуш испытали первый приступ болезни в возрасте 16–18 лет, что, по мнению Воробек, могло быть связано с переходом (или тревогой в ожидании перехода) из статуса девицы в статус замужней женщины²⁰. Несмотря на то что это объяснение кажется убедительным, мы видим, что кликушеству были подвержены также и девушки, давшие обет целомудрия, например задержанная ОГПУ Ирина Аристова, 17 лет, проживающая в старообрядческом скиту близ селения Большие Галашки²¹.

¹⁵ ЛАИ УрГУ. Дневники. Д. 121. Л. 31. Запись беседы с Филаретом М., 1898 г. р., г. Верхний Тагил.

¹⁶ Там же. Фонофонд. VI (Невьянское) собр. Зфн/19. Зинаида У., 1914 г. р., г. Невьянск; XVIII (Челябинское) собр. Зфн/19. Зинаида Ш., 1909 г. р., г. Кыштым.

¹⁷ УГААОСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 17394. Л. 9.

¹⁸ Ср.: Чувькова А. А. Народная медицина и старообрядческая традиция...

¹⁹ УГААОСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 17394. Л. 4, 6, 11.

²⁰ См.: Сипин В. Н. На Веселых Горах. С. 28; Worobec C. Possessed: Demons, Witches and Women in Imperial Russia. P. 205.

²¹ УГААОСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 17394. Л. 4.

Кликуши и советская власть

Материалы следственного дела, заведенного на арестованных, показали, что крестный ход был организован без официального разрешения властей, что противоречило законодательству о религиозных ассоциациях 1930 г., запрещающему несанкционированные собрания верующих вне зарегистрированных помещений. Узнав о готовящемся крестном ходе, местные партийные органы делегировали группу молодых активистов (коммунистов, членов Союза Воинствующих Безбожников) для агитационного похода на Веселые Горы, где они пытались отвлечь верующих от богослужения лекциями о вреде религии и демонстрацией кинофильмов. Работники ОГПУ, стрелки ВОХР и член Уральской Ассоциации пролетарских писателей А. И. Исетский, заведующий калатинским клубом и калатинский врач также присоединились к агитбригаде. Таким образом, в одном пространстве на Веселых Горах между 7 и 10 июля 1930 г. оказались две соперничающие группы, условно говоря, верующих и “безбожников”. В задачи последних входил как административный контроль за населением, так и идеологическая и просветительская работа. Интересно, что активисты, местная интеллигенция и представители административных органов, за небольшим исключением (2 из 7), не имели корней на Урале, а были выходцами из центральных и южных областей России (Тульская, Могилевская, Самарская, Нижегородская, Одесская губернии, Средне-Волжский край). Участники паломничества, напротив, были жителями окрестных деревень и заводских поселков Невьянского и Нижнетагильского районов. Возможно, что наблюдатели оценивали происходящее на Веселых Горах не только через призму большевистской идеологии, но и как чуждое им культурное явление.

Напряжение между двумя группами обозначилось еще до “выступления” кликуш. Верующие выражали недовольство поведением посторонних, а также допускали нелестные комментарии по поводу советской власти и ее экономической политики. Нельзя забывать, что паломничество происходило в первый год коллективизации, “сломавшей хребет” крепкому крестьянскому хозяйству с рыночной ориентацией. Плохо скрываемые горечь и недовольство слышатся в отрывках разговоров и фраз, записанных добровольными осведомителями ОГПУ. “Всероссийские хозяева надоели. Без хлеба, без материи... Думают, что поверят их брехне... Самых хороших, что по 40 десятин сеяли... выгнали, воров насадили... Один поворачует, другого вора посадят... раньше строили дома, а теперь остроги”²².

Похоже, что старожилы не уклонялись от разговоров с агитаторами, напротив, откровенно делились своим мнением о политике советской влас-

²² УГААОСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 17394. Л. 36.

ти: “Мы хоть и пеньки, но с глазами. Ты нам не рассказывай, газеты читаем”²³. Коллективизация, а также смена власти в местных Советах во время сталинского “великого перелома” 1928–1929 гг. отразились и на старообрядческом населении. “Вот я раньше столько пользы делал, и раскулачили. Ведь все равно из голодранцев-то ни хера не будет. Я так думаю, опять к нам придут, все равно эти колхозы развалятся”²⁴. Старообрядцы отождествляли себя с российским мужиком, без различия конфессий: “Вот не дают нашему брату правду говорить. У нас вот в Черноисточинске насадили разную тварь, которые все против нас ведут и в Советах и в кооперации...”²⁵.

Конечно, не все участники паломничества были негативно настроены по отношению к советской власти. Молодежь проявила интерес к кино, но многие признавались агитаторам, что боятся осуждения старших²⁶. Некоторые участники праздника скептически относились к кликушеству, заявляя, что “кликуши дурака валяют” и что бесноватым для исцеления необходимо “крапивой известное место намылить”²⁷. Одна из присутствовавших на богослужении, П. М. Сазонова, член транспортного профсоюза, проводила свое собственное расследование кликушества, стараясь обличить кликуш в обмане. Она предоставила подробные следственные показания, обратив внимание властей на симуляцию кликушества одной из задержанных женщин²⁸.

В следственном деле выступление кликуш расценивалось как яркое свидетельство опасного политического характера старообрядческого моления. Свидетели из безбожников приводили примеры восклицаний кликуш в состоянии приступа: “У-у сволочи-коммунисты! (в другом варианте: “У-у коммунисты-бляди”) ... Ненавижу большевиков... Бес коммунистов не любит...”, “разбежались... расстреляли... расстреляли... тюрьма... 20 лет”. По словам свидетеля Фирсова В. Е., 23 лет, стрелка ВОХР, члена ВКП(б) с 1921 г., “выкрики кликуш внедряли в головы молящихся вражду против Советской власти”²⁹.

Во-первых, кликушество рассматривалось как род религиозной пропаганды, рассчитанной на обман верующих и политическую агитацию под прикрытием религии. “Главным козырем сектантов является кликушество”, – указывал член Ассоциации пролетарских писателей Урала А. И. Исетский, описывая свои впечатления о событиях на Веселых Горах в докладной записке для ОГПУ. “Так как в кликушах бес, им можно говорить все что захо-

²³ УГААОСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 17394. Л. 34.

²⁴ Там же. Л. 28.

²⁵ Там же. Л. 34.

²⁶ Там же. Л. 44.

²⁷ Там же. Л. 31.

²⁸ Там же. Л. 25–26.

²⁹ Там же. Л. 33.

тят. Ну они, конечно, хотят ругать коммунистов, советскую власть”³⁰. Во-вторых, свидетели подчеркивали разрушительный, антисоциальный характер кликушества: “И вот среди моления, среди гугносого воя, где уже слов не разберешь, в духоте и темноте раздается истошный крик... Кликуш начинает ломать, корежить. Она начинает скакать или взбрасывать руки. Конвульсии проходят по всему телу... Если кто-либо хочет видеть позор человеческой личности, крайнюю ступень человеческой темноты и невежества – это можно видеть на Веселых Горах”³¹.

Обозреватель описывает вредное влияние кликушества на детей. “Одна кликуша кричала, глядя на мальчика 8–10 лет: «Выйду, выйду и в этого мальчишку войду!» Мальчик белеет как бумага, а кликуша выкрикивает: «Не выйду! Обманул! Обманул!»”³². В этих описаниях можно четко проследить риторику Просвещения, во многом типичную для демократической интеллигенции XIX в., использовавшуюся и большевиками в антирелигиозной пропаганде. Кликушество представлено как религиозный экстремизм, противоречащий культурным и социальным нормам. В чем-то Исетский также напоминает церковных и светских обозревателей народного сектантства (например, хлыстовщины), подчеркивающих странность, фанатизм и вред религиозных ритуалов, не санкционированных государством и церковью³³.

Картина, нарисованная Исетским, противоречива. С одной стороны, он цитирует замечания врача, диагностировавшего кликушество как нервное расстройство, с другой стороны, он представляет кликушество как организованное мошенничество, инсценированное руководителями моления: “Кликушество есть род религиозной пропаганды, во-первых, в отдельных случаях несомненная симуляция болезни, крайнее нервное расстройство, доведенное условиями моления до высшей... протрации и самовнушения”. Таким образом, физические причины кликушества не отрицаются, но само явление описывается как продукт коллективной манипуляции. В 1930 г. журнал “Просвещение на Урале” в статье, посвященной крестному ходу на Веселых Горах, писал: “Сектанты усиленно готовились к старообрядческому слету... *приглашали* больных истерией и нервных для кликушествования на могилах (курсив мой. – И. П.)”³⁴. В ходе следствия, тем не менее, выяснилось, что ни одна из арестованных женщин не “помнила” ни одного эпизода из своего “кликушества”, а тем более ругани в адрес коммунистов. Столкнувшись с “бессознательным” властям не оставалось ничего иного, как найти виновников в лице

³⁰ УГААОСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 17394. Л. 45.

³¹ Там же.

³² Там же. Л. 46.

³³ См.: Панченко А. Христовщина и скопчество. С. 14–43.

³⁴ Панов. Усилим фронт антирелигиозной работы // Просвещение на Урале. 1930. № 9.

неформальных руководителей моления, местных старообрядцев. Некоторые из них были лишены прав как “бывшие”. Шесть мужчин были осуждены по пункту 10 статьи 58 за антисоветскую пропаганду на 3 года лагерей³⁵. “Кликуши” после допросов были отпущены домой на основании того, что “кликушествовали не по своей воле, а под влиянием истязаний, которым они подвергались со стороны руководителей моления”³⁶. ОГПУ освидетельствовало синяки на теле женщин, что послужило доказательством “истязаний”, т. е. сдавливания женщин и использования “душной” травы, вызывающей истерическую реакцию. Одна из арестованных, Паутова, просила привлечь к ответственности лиц, которые довели ее до больничной койки.

Таким образом, по мнению властей, арестованные по подозрению в антисоветской пропаганде женщины оказались просто-напросто жертвами организованной конспирации, руководимой мужчинами. Именно в этом советская власть демонстрирует связь с предшествовавшими ей представлениями о кликушестве, например, земской интеллигенции, которая смотрела на кликуш как на жертв тяжелых условий крестьянской работы, жестокого обращения со стороны мужей, гнета и бесправия. Но не только интеллигенция видела в бесноватой женщине жертву. В народной традиции беснование, как и любая душевная болезнь (если это только не подвиг юродства), рассматривалось как результат порчи, греха или несчастья, причинами которых бывают несчастный брак, употребление пищи без молитвы, тоска. Этот подход закрепляется в литературе, например в образе Соломонии бесноватой, который, по мнению А. Н. Власова, положил начало традиции изображения женщин – невинных жертв³⁷. Большевики заимствуют у интеллигенции XIX в. взгляд на женщин как на жертву несправедливого социального и экономического устройства общества, используя этот аргумент в своей идеологической борьбе. В случае с кликушами очевидно, что обвинения руководителей паломничества в насилии над женщинами были лишь поводом для ареста и изоляции влиятельных лидеров старообрядчества. Несмотря на очевидность этого маневра властей, возникает вопрос, почему же ОГПУ отпустило из-под ареста женщин, которые в присутствии нескольких свидетелей громко критиковали советскую власть. Напрашивается вывод о том, что и в представлении большевиков, как и окружающей их массы, кликуша не являлась субъектом, осознающим свои действия. Напротив, им легче было принять традиционный образ страдающей женщины, жертвы обстоятельств, социального строя, осознанных действий мужчин. Таким образом, в интерпретации атеистических властей работает тот же семиотический принцип: у ста-

³⁵ УГААОСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 17394. Л. 131.

³⁶ Там же. Л. 84.

³⁷ См.: Власов А. Н. Устюжская литература XVI–XVII вв. С. 177.

роверов кликуша – жертва нечистой силы, которая вселяется в нее по несчастью или же под действием колдовства, у большевиков кликуша – это крайнее выражение женской пассивности, орудие в руках лидеров-кулаков. Таким образом, большевики и староверы действуют в рамках одной культурной традиции, под влиянием одного рода культурных парадигм. В этом они отличаются от законодателей XVIII – первой половины XIX вв., которые рассматривали кликушество в контексте борьбы с суевериями, приговаривая кликуш к наказанию розгами или тюремному заключению³⁸.

Мотив контрреволюционного заговора, в котором кликуши играют важную, но не самостоятельную роль, проходит красной нитью в деле 1930 г. В этом мотиве можно проследить отражение народных представлений о колдовстве и порче. Кулаки, старообрядческие наставники и прочие вредные, с точки зрения советской власти, элементы играют роль колдунов, чье влияние на общество можно устранить только через изоляцию или даже физическое уничтожение носителя злой силы. Риторика политических кампаний 1920–1930-х гг. и набирающих размах в 1930-х гг. чисток, направленных против “врагов народа” и прочих антисоциальных элементов, была результатом своеобразной контаминации революционной идеологии и народной демонологии³⁹. Несмотря на присутствие традиционных мотивов, дело о Веселых Горах демонстрирует одно отступление от народной традиции: в качестве представителей демонического начала выступают в основном представители мужского пола.

Несмотря на то что предлагаемая интерпретация основана только на одном случае, ее косвенным подтверждением может служить отношение властей к так называемым “бабьим бунтам” – случаям активного сопротивления коллективизации 1929–1930-х гг., в котором женская часть деревни играла ведущую роль⁴⁰. Власти описывали “бабьи бунты” как спонтанные всплески массовой истерии, сопровождаемые насилием, беспорядками и какофонией визжащих женщин. “За спиной бунтующих женщин обычно скрывался кулак или подкулачник, который эксплуатировал необразованных и иррациональных баб”⁴¹. Именно в связи с представлением о поведении женщин как иррациональном, неорганизованном и спонтанном им часто удавалось избежать наказания со стороны властей. Выводы канадской исследовательницы Л. Виолы проливают свет на отношение к кликушеству, которое в глазах большевиков было проявлением забитости, необразованности и иррациональности русской женщины.

³⁸ См.: Лавров А. С. Колдовство и религия в России. С. 378–379.

³⁹ Ср.: Lewin M. The Making of the Soviet System. N.-Y., 1985. P. 274–275.

⁴⁰ См.: Viola L. Peasant nightmare. P. 770.

⁴¹ Ibid.

Тем не менее необходимо видеть в кликушестве то, на что советская власть закрывала глаза, а именно активную роль кликуш в сопротивлении верующих процессу разрушения традиционной культуры и образа жизни, проводимому советской властью.

Хотя припадки бесноватых могли происходить в разное время, чаще всего кликушество проявляло себя как составная часть коллективного богослужения, представляя своего рода спектакль, по словам А. Н. Власова, являющийся “сплавом ужасного и жалостливого”⁴². Карнавальный аспект кликушества заслуживает особого внимания. Поведение бесноватых во время богослужения вполне может расцениваться как антиповедение⁴³. Кликуши могли материться в святом месте (в храме или на могилах святых людей). Они начинали бесноваться во время кульминационного действия (Херувимской песни в православном храме, во время величания или поминовения усопших у староверов). Им была присуща неженская сила. Зачастую “бес” говорил мужским голосом. Во время эпизода 1930 г. бесноватые публично ругали матом коммунистов в их же присутствии, что было явным нарушением норм социального поведения.

Кликуши часто выступали в качестве ясновидящих. Через откровения “беса” окружающие могли узнать, как он вошел в человека или даже кто его “посадил”. Традиционно кликуш во время припадка спрашивали о потерянных вещах, о будущем. Более того, кликуша была пророком: к ясновидению добавлялись функции социального контроля, “устаами кликуши деревенский мир говорил то, что не могло быть сказано другим образом”⁴⁴. На Веселых Горах одна из кликуш кричала: “Девка с парнем по горке ходит”, указывая на нарушения традиционного поведения неженатой молодежи. В православных деревнях кликуши “выкликали” имена лиц, виновных в их “порче”. В 1930 г. кликуши играли роль юродивых: под маской безумия они публично обличали несправедливые власти, выражая таким образом настроения большинства присутствующих. Как лица, имеющие контакт с “неземными силами”, кликуши временно становились неформальными лидерами коллектива. Именно эта возможность, по мнению Воробек, побуждала некоторых женщин симулировать болезнь, чтобы обрести социальную власть.

Следуя этой логике, можно заметить, что во время крестного хода на Веселых Горах, клеймя советскую власть, кликуши артикулировали скрытые, подавленные чувства большинства, символически организовывая массу

⁴² Власов А. Н. Устюжская литература XVI-XVII вв. С. 175–176.

⁴³ См.: Успенский Б. Избранные труды. Т. 1. М., 1994. С. 320–332.

⁴⁴ Панченко А. Христовщина и скопчество. С. 333.

верующих против властей. Таким образом, именно иррациональные кликуши, а не арестованные мужчины-руководители были истинными лидерами народной оппозиции советской власти в коллективной драме, разыгравшейся в 1930 г. на Веселых Горах.